

**Валентина
Орлова**

**ПОЛЁТ В
БЕССМЕРТИЕ**

Орлова Валентина

Полёт в бессмертие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69488143

SelfPub; 2023

Аннотация

Написано по реальному факту с элементами фантастики и художественного вымысла. Автор обложки книги – нейросеть "Шедеврум".

Орлова Валентина

Полёт в бессмертие

В ночь после Крещения

Алина проснулась оттого, что кто-то легко коснулся её плеча. Открыв глаза, она глянула на электронные часы, которые стояли на подоконнике. Они показывали ровно четыре часа.

– Что это, в такую рань? – подумала она, сладко зевнув, и улыбнулась, ощутив рядом ровное дыхание Григория.

День так хорошо прошёл. Закончилась рабочая неделя, впереди выходные. Отходя ко сну, они, как обычно, взялись за руки и пожелали друг другу спокойной ночи.

– Алина, я так люблю тебя! – проговорил Григорий с улыбкой, уже засыпая. Он всегда ей так говорил перед сном. И Алина в очередной раз подумала: – И за что мне такое счастье?!

Какое количество более красивых и более успешных девушек вертится вокруг него, а Гриша ни на кого из них не обращает внимания. Вот, Вероника, например, какая умница и красавица! Она явно питает к нему чувства, более страст-

ные, чем их школьная дружба. При встрече с ним, она буквально светится, а он только мягко улыбается, отвечает ей братским поцелуем в щёку, как и другим бывшим одноклассницам. У них так принято было в их элитной школе, где судьба свела исключительно одарённых подростков...

Гриша давал своим способностям весьма скромную и трезвую оценку. Пользуясь молодёжным сленгом, можно сказать, что он был весьма разумным «челом» и понимал, что не сам по себе попал в физико-математическую школу, а благодаря своей маме. Она много лет проработала в ней библиотекарем.

Как в любом детском сообществе, здесь тоже было принято давать кличку, каждому новичку. Так, старосте класса Василисе Ивановой сразу приклеили прозвище «Василиса Премудрая»; хохмачу и насмешнику Артёму Кулемзину – «Тёма-Кулёма». Гришу Журавлёва поначалу звали просто: «Птица».

Но с некоторых пор Григорий стал ощущать, что авторитет его среди одноклассников день ото дня растёт. Многие обращаются к нему за советом, даже в деликатных вопросах, зная, что разговор останется между ними. Артём Кулемзин, став Грише лучшим другом, ласково звал его «мой гуру».

У Журавлёва обнаружилась способность кардинально исправлять ситуацию с плохими оценками. Собравшись с силами, он умел сгруппироваться и сделать отчаянный рывок. Рейтинг его моментально взмывал вверх, как на крыльях! Отмечая это, Артём восклицал:

– Да Птица – Феникс, мой гуру. Сгорает, чтобы вновь родиться!

Но в конце десятого класса одноклассники стали замечать за Журавлёвым и некоторые «странности». Его и раньше относили к разряду «ботанов», поскольку помимо школьной литературы, он читал научные журналы типа «Знание – сила», «Сознание и физическая реальность». А теперь в его рассуждениях стали появляться выражения: «четвёртое измерение», «люди внешнего круга», «люди внутреннего круга» и прочие эзотерические «штучки».

МИСТИЧЕСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Ирина Валерьевна, в свою очередь, тоже заметила, что интересы сына приняли непонятную ей направленность. В его книжном шкафу, вслед за подарочным изданием Гумилёва, – «Этногенез и биосфера земли», «Учение о ноосфере» Вернадского, – сплошь шла эзотерика: «Догмы и ритуалы высшей магии», «Тайная доктрина», Блаватской, «Жизнь после

смерти», Моуди...

– Зачем тебе всё это? – однажды спросила сына Ирина Валерьевна, воспитанная в духе соцреализма, и в основном, на отечественной классике.

Григорий ответил не сразу. К тому времени в его поведении проявились манеры человека продуманного и осторожного. – Будущий чекист, – как-то сказала о нём дед, Валерий Игнатьевич.

– Понимаешь, – начал Григорий, устремив свой раздумчивый взгляд на полки с заветными книгами. – Нас так долго держали в стерильном мире, внутри «материалистических» границ, с бесконечным числом запретов... Да и я сам до недавнего времени настолько верил в безусловную правоту «научного мышления», что страшно было даже вообразить что-то вне пределов внешней оболочки жизни. А эти книги просто разбили стены вокруг меня! Они заставили меня думать и мечтать о том, о чём я раньше и помыслить не мог!

На лице матери Григорий увидел тревогу и непонимание. – Ты о чём это, сынок? – спросила его она, прижав ладони к побледневшему лицу. Но он продолжал с ещё большим вдохновением:

– Например, величайшей тайной и величайшим чудом кажется мне сейчас мысль о том, что смерти нет, что покинувшие нас люди, возможно, не исчезают полностью, а где-то существуют, и я могу их снова увидеть...

– Ой, Господи! – прервала его Ирина Валерьевна, вздохнув с облегчением. – Да я об этом сама так много читала и слышала... Но эта литература показалась мне такой наивной, примитивной и бездоказательной...

– Согласен, – ответил Григорий, пожав плечами. – Но мне кажется, что при всём этом, она куда-то ведёт, за ней что-то есть такое... Какая-то реальность, которую я давно чувствую, но которая исчезает пока, из моего поля зрения...

– А не кажется тебе, дорогой мой, что это уводит тебя от реальности? От главной цели: выучиться, получить хорошее образование, престижную профессию?

– Да разве одно мешает другому?! – уже спокойнее ответил

Григорий. Он редко спорил с матерью.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Дать сыну хорошее образование Ирина Валерьевна счи-

тала главным делом своей жизни. Она тоже понимала, что Гриша точно не математик, и не физик. Скорее гуманитарий, как и она сама. Спасали природная старательность и аккуратность, свойственные им обоим, которые можно было назвать их «второй натурой». И, когда сыну было очень сложно, Ирина выкраивала на репетитора, из своей скромной зарплаты. После этого брала у школьной администрации какую-то подработку. В результате выучила сына: он блестяще сдал ЕГЭ и получил аттестат без единой тройки.

В выборе вуза они пошли своим путём, чутко, на ощупь, понимая, как это важно: выбрать профессию по душе и по силам. Ну, и чтобы финансовый фактор не давал сбой!

Выбор пал на медицинскую академию. Причём, исключительно на стоматологический факультет, как наиболее престижный, хотя конкурс туда был обалденный. Всего пять мест было выделено бюджетникам. И Гриша попал на одно из них. По этому случаю весь клан Дорофеевых собрался на большой праздник. Не каждому выпадает такое счастье: учиться в медицинской академии!

Благодаря материнскому воспитанию, Гриша вырос ответственным и организованным человеком. Учился он очень старательно, постигая медицинскую науку, в результате закончил академию с Красным дипломом.

Поработав около года в муниципальной стоматологической клинике, Григорий Журавлёв поступил в ординатуру, на специальность «врач – ортодонт», и перешёл на работу врачом-стоматологом, в частную клинику. Название у неё было красивое и многообещающее: «Золотое сечение».

В общем, что и говорить, отмечали все: получился успешный и целеустремлённый человек, вдумчивый, спокойный, уравновешенный... «Благородный», – добавляла его бабушка, Ольга Ивановна. – Таким не грех погордиться!

Она спала и видела своего любимого внука в белоснежном халате врача, «престижного и доходного профиля». Ну, а её дочь, Ирина... Та была на вершине счастья!

ОБРЫВ КИНОЛЕНТЫ

...Алина тихо встала, осторожно прикрыв Григория одеялом, пошла на кухню. Светлое утро было ещё в пути: окно затянуто сумерками, а по тёмно-синему небу, среди тающих звёзд, гулял молодой месяц. Он так гордо и величаво плыл по звёздному небосклону, что душа её содрогнулась, при виде царственной красотой и ощущения мощи мироздания.

– Прошло Крещение. Скоро Масленица, – подумалось Алине, и сердце её почему-то защемило, в неясном предчув-

ствии либо какой-то страшной беды, либо неожиданной, пугающей перемены...

Вздрагнув, она отчётливо услышала в тишине ночи какой-то звук. Будто большая птица, издав крик, отчаянно рвётся наружу...

Смертельно бледный, Григорий лежал на подушке: руки его судорожно сжимали край одеяла, а из полуоткрытого рта вырывались страшные, прерывистые звуки... Потом, отбросив одеяло, руки его, как крылья, забили о край дивана... Через минуту они затихли и бессильно опустились вдоль тела... И оно тут же вытянулось в струнку, словно приготовившись взлететь ввысь!

Алина бросилась к любимому, прильнув, схватила его за плечи, будто защищая от кого-то... Через минуту она с ужасом ощутила, что он затих!

– Нет!!! – закричала девушка, обнимая и лихорадочно целуя

остывающее тело... Серо – голубые глаза Григория, остановившись, потемнели, глядя в потолок...

Тишина, зависшая в пространстве, казалась бы жутко-кромешной, если бы не тиканье электронных часов на

подоконнике. Они мерно отсчитывали секунды, уходящие в вечность...

Всё происходящее показалось Алине за гранью реальности, оно запечатлелось в её сознании как... обрыв киноленты!

«ЗЕРКАЛЬНАЯ» ВСТРЕЧА

На фоне трагичных обстоятельств, произошедших с молодой четой, в ночь с девятнадцатого на двадцатое января, кажется символичным тот факт, что познакомились они ровно три года назад: именно двадцатого января, после Крещение. Кое-кто усматривал в этом и налёт мистики.

В день их знакомства было также холодно и ветрено. Алина стояла перед старинным трюмо, в вестибюле главного корпуса медицинской академии. Чтобы не простудиться, она тщательно заматывала вокруг стойки пуховика объёмный вязаный шарф.

Григорий подошёл к зеркалу, и остановился за её спиной. Лицо его показалось Алине знакомым. Да, она уже видела его где-то. Возможно, в столовой или в раздевалке...

Там, после окончания лекций, бурные потоки студентов, кучей наваливаясь друг на друга, хватают в охапку одежду и

гребут к выходу, не разбирая дороги.

– Вы запачкали плечо, – проговорил юноша с улыбкой, стоя

за её спиной. Эта улыбка, светлая и по-детски застенчивая, на миг зависла на глади старинного зеркала.

– Можно ототру? – спросил он, продолжая улыбаться, и, не дожидаясь ответа, начал тереть своей перчаткой плечо её пуховика. Алина покорно стояла, разглядывая в зеркало неожиданного поклонника: серо-голубые глаза и светлая шевелюра, разделённая надвое прямым пробором...

– Эта причёска, хотя и считается модной, реально ему не идёт... Да и на модника он не тянет, слишком скромный, – отметила про себя Алина.

Григорий тоже разглядывал её, между делом. Это была высокая, стройная брюнетка, ростом почти с него. Она была в его вкусе: красавица, с тонкими чертами лица и тяжёлыми волосами по пояс... На лице отдельно жили глаза: серьёзные и внимательные.

– Строгая девушка! – мысленно отметил Григорий. – И, похоже, что вниманием сильного пола пока не избалована. Короче говоря, мужики ещё не успели набить ей цену...

Он представился: – Журавлёв. Григорий Ярославович. Звучало красиво, но несколько старомодно. Она сразу подумала: – Лучше бы звал себя «Грэгом». Просто и современно.

Впоследствии, вспоминая эту встречу у трюмо, в вестибюле академии, молодые люди в шутку называли её «зеркальной».

Через месяц после их знакомства, Григорий пригласил Алину к себе. Хотел познакомить её со своей матерью – Ириной Валерьевной.

За несколько дней перед этим событием Алина стала ощущать страх и тревогу. Она давно поняла, что Григорий привязан к своей матери, чрезвычайно дорожит её мнением. А после ухода из семьи отца, родные зовут их между собой «неразлучниками». Всё свободное время они привыкли проводить вместе: делиться друг с другом впечатлениями прожитого дня, обсуждать детали каждого события; в выходные посещать кино и театры, путешествовать.

Гриша с восторгом рассказывал Алине об их совместной поездке в город его мечты – Санкт-Петербург.

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

Дверь открыла ещё сравнительно молодая женщина, лет пятидесяти, с красивой фигурой и ногами... Такими красивыми, что редко встретишь в женской природе!

Миловидное лицо Ирины Валерьевны на первый взгляд казалось анемичным, но, всмотревшись, можно было разглядеть некую тайну, глубоко запрятанную на дне её больших зеленоватых глаз. Будто она постоянно была сосредоточена на какой-то мысли. Впрочем, это могло быть и страдание, некогда пережитое...

Улыбка, освещающая лицо женщины, появлялась всегда неожиданно, от какого-то внутреннего света. Она напоминала огонёк фонарика, вспыхивающего неожиданно, в потёмках ночи.

Внешне мать и сын были очень похожи, буквально одно лицо. Но Гришина улыбка была мягкой и слегка застенчивой. Через мгновение от неё не оставалось и следа, лицо его вновь приобретало раздумчиво-спокойное выражение.

ПРОЩАНИЕ С ДУШОЙ

Сорок дней отмечали в небольшом уютном кафе. Оно принадлежало предприятию, на котором работали

прежде родители Ирины Валерьевны: отец – оператором, мать – буфетчицей.

Собрались за длинным столом только самые близкие люди: Алина с родителями, дед и обе Гришиных бабушки, тётя Вера с дочерью Елизаветой, два закадычных школьных друга – Артём и Ваня.

Говорили тихо, вспоминая новопреставленного. Будто боялись спугнуть трепетную душу, которая незримо витала в пространстве казённого помещения. Все понимали, что завтра, поутру, она покинет пределы этого мира, и улетит туда, откуда не возвращаются.

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Известие о неожиданной смерти Григория Журавлёва поразило тех, кто знал его, повергнув всех в растерянность и недоумение.

– Что случилось с человеком, двадцати пяти лет от роду, спокойным и уравновешенным, ведущим здоровый образ жизни?! Почему вдруг оборвалась эта жизнь, в самом расцвете лет и сил, когда старательный и упорный парень, преодолев трудности учёбы в элитной школе, в престижном вузе, вышел на надёжную, счастливую дорогу? Ему бы только

жить да жить; жениться, иметь детей, с этой красивой и умной девушкой.

А он... побывав накануне в Белогорском монастыре, помолвившись, исповедовавшись, и, искупавшись в Крещенской купели, представился вдруг, на следующую ночь. Сердце его остановилось!

Почему?!

Ирина сидела обособленно, рядом с портретом Гриши. Лицо её выглядело усталым и потемневшим, а глаза словно выцвели от слёз. Она неотрывно смотрела на фотографию сына, а он улыбался ей своей улыбкой: тихой и чуть застенчивой...

Невообразимое несчастье свалилось на Ирину, как гром среди ясного неба! Её Гриша был для неё светом и надеждой. Всей радостью жизни! Особенно после того, как она осталась одна, и в сознании её обосновалась запись: *«разведённая женщина, мать-одиночка»*.

Но сын делал всё, чтобы она выветрилась из её головы, эта запись. Стёрлась совсем. Он делился с ней мыслями, подробно описывал то, что происходило с ним в этот день, подводил итоги, анализировал ситуацию. Если он задерживался

в академии, то обязательно звонил своей маме, чтобы та не ждала, ужинала без него.

С некоторых пор жизнь Григория круто изменилась: он влюбился, и всё свободное время проводил уже не с ней, а со своей девушкой – Алиной. В выходные молодые люди встречались у местного супермаркета и шли в кино, в кафе или на выставку. В этих случаях Гриша обязательно оставлял на кухонном столе цветы и записку: «Мама, не скучай. Ты самая-самая лучшая, я тебя очень-очень люблю!»

Ирина понимала, что подобные отношения с сыном не могут быть вечными: когда-нибудь Гриша совсем отойдёт от неё, – женится и будет жить своей жизнью. Поначалу она с замиранием сердца думала об этом, потом стала готовить себя, искать точку приложения своих душевных сил.

Начала посещать клуб «Кому за тридцать», студию йоги. Но год назад соседка позвала её на пасхальный молебен, в Белогорский монастырь.

Там Ирина познакомилась с отцом Георгием, он стал её духовником, научил правильно молиться, и совсем по – иному смотреть на всё происходящее...

Страшно представить, что бы с ней было сейчас, если бы не её духовный наставник. Значит Господь, зная о том, что

произойдёт с Гришей через год, подостлал ей соломки?!

Тело Григория ей выдали из морга с записью: «Причина смерти не установлена». Но Ирине было всё равно, что зафиксировал патологоанатом в свидетельстве о смерти её сына. Также и то, что биоматериал усопшего направят на дальнейшее исследование в Москву, – её тоже не волновало.

Она тихо повторяла про себя: – Моего мальчика больше нет со мной. У Господа Бога были на него свои планы!

ВЕТОЧКА МИМОЗЫ

Ирина открыла глаза. Ходики на стене показывали десять часов. Проспала! Но тут она с облегчением вспомнила: – Воскресенье! Странно, но факт: она проспала всю ночь, без снотворного и антидепрессантов. Полежав недолго в постели, Ирина вспомнила, что ей снился Гриша.

Сын что-то говорил ей, горячо и эмоционально, совсем несвойственно ему, а она ничего не могла расслышать и понять, из его слов.

Тяжёлая ночная штора на окне слегка колыхалась. Форточка была открыта, и с улицы доносился звонкий голос падающей с крыши капли. Как будто кто-то плакал от радо-

сти, что холода закончились, пришла весна, солнце взошло, и, лучезарно улыбаясь, упёрлось своими лучами в крыши домов, снежные сугробы, в ветки деревьев, с набухающими на них почками...

Ирина набросила халат и вышла на кухню. Оглядев её, она убедилась, что идеальный порядок царит в её кухонном хозяйстве: пребывая на своих местах, всё сияет чистотой! Это всегда действовало на неё успокаивающе. Она любила порядок и чистоту.

На зеркальной поверхности чайника играл солнечный луч. Он пробрался и сюда, через тюлевую шторку. И тут взгляд

её уловил нечто, выпадающее из системы координат, и привычного порядка вещей...

Тонкая веточка мимозы стояла на столе, в хрустальной вазочке.

– Как могла она попасть сюда?! Кто её принёс?!

Ирина застыла, машинально схватившись за сердце! Этот весенний цветок обычно дарил ей сын, в канун первого праздника весны. А теперь-то кто?! И как этот «кто» мог войти в её квартиру? Запасные ключи были только у роди-

телей. Но на днях они уехали в местный дом отдыха...

Прежде Ирина была практичной, даже несколько прагматичной женщиной, и не особо верила в чудеса. Но, пообщавшись с отцом Георгием, она стала верить в Божий промысел и в Царство Небесное; приняла на веру то, что рождение человека на свет Божий происходит не так, как мы привыкли думать.

Оказывается, это душа ребёнка сама выбирает себе родителей; и во сне она может летать в пространстве других миров, отделившись от тела. Вернуться ли ей обратно, на землю, или остаться там, – душа решает сама. Это исключительно её выбор.

Поверить же в чудеса, которые происходят на земле, в быту,
– к этому Ирина ещё не пришла. Но вот, теперь они сами пришли к ней, эти чудеса!

На кухонном столе, в хрустальной вазочке, скромно потупившись, распушив нежные, жёлтые горошины, стояла веточка мимозы.

ДНЕВНИК «БОТАНИКА»

Всё происходящее с ней теперь казалось Ирине окутанным флёром тайны, или попросту «мистикой». Она не могла ответить себе на простые вопросы. Но казалось, что им есть какое-то объяснение. И оно таится где-то здесь, рядом!

Ирина механически открыла верхний ящик в письменном столе сына. Его личный дневник лежал на самом виду. Прежде бы она поколебалась, чтобы его открыть. Это было неприято между ними. А сейчас она села за стол, открыла тетрадь и прочла первую строку, написанную чётким и аккуратным почерком сына:

«Великая Лаборатория Вселенной управляет всей жизнью на земле».

Посидев в раздумье, она решила читать дальше.

«Земной универсум, в котором мы живём, образует внешний

круг. И вся известная нам история человечества есть история жизни этого круга. Но внутри этого круга есть другой круг – внутренний, «эзотерический», о существовании которого можно лишь смутно догадываться...

Этот круг как бы составляет жизнь внутри жизни, нечто неведомое, некую тайну, пребывающую в глубине жизни че-

ловечества. Внутренний круг человечества является чем-то вроде его мозга, или бессмертной души, в тайниках которой хранятся все достижения цивилизаций.

Эволюция человечества фактически направляется людьми, принадлежащими к этому кругу, и, ведущими законами Великой Лаборатории Вселенной.

Знание об этом называется «Неведомым». Оно недоступно простому смертному. Лишь смутное понятие об этом можно найти в текстах древних мистерий. Одной из таких мистерий является жизнь Христа, какой мы знаем её по Евангелию. Суть этой мистерии состоит в описании смерти божества и его воскресении. С особой ясностью это выражено в пасхальном гимне Православия, который дошёл до нас из древности. Он связывает идею христианства с идеей мистерий:

«Христос воскрес из мертвых,
Смертью смерть поправ,
И сущим во гробех живот даровав».

Но подлинный смысл этой мистерии понятен только людям внутреннего круга, то есть, посвящённым. Только Великим Посвящённым доступно скрытое знание, называемое «тайным», «оккультным», «магическим». Постигание «ок-

культного знания» возможно только в особых состояниях сознания, называемых «*мистическими*».

Официальная наука не проявляет особого интереса к мистике, относя её к сфере патологии, больного воображения.

У православных богословов есть понятие, что благодаря «мистическому состоянию сознания» возможно постижение «Откровения». В нём содержится особого рода теория «о жизни после смерти». Она признаётся всеми религиями.

Надо отметить, что сами по себе религии являются плодом эмоционального напряжения, «ибо вся полнота знания заключена в душе человеческой», а мистика есть путь к сокровенному, «божественному знанию», открывающему путь к Богу.

Эзотерическое знание передаётся лишь изустно, от учителя – к ученику. Люди, принадлежащие к «эзотерическому кругу», появляются среди человечества, образуя «школы». Такую «школу», путешествуя по земле Палестинской, некогда создал сам Господь.

Найти «школу тайного знания» может лишь тот, кто страстно желает этого. Врата мира чудесного могут открыться лишь тем, кто ищет их: *«Просите, и дано будет вам...*

стучите, и отворят вам»...»

Прочитав эти строки, Ирина закрыла дневник сына, и осторожно положила его на прежнее место. Продолжать чтение показалось ей неприемлемым. Будто она коснулась чего-то непостижимого и запретного.

ДВА ПИКА ГОРДЫНИ

Наступила середина марта, приближались весенние каникулы, но тепла пока не ощущалось. Дни стояли хмурые и безликие, не обещающие надежды на просветление.

Но это серо-белесоватое полотно неба, напоминающее плохо постиранное бельё, как никогда соответствовало состоянию души и цвету настроения Ирины. Она и в лучшие времена не ощущала себя существом, наполненным энергией и радостью небесного светила. Ну, а сейчас тем более...

С годами она чисто интуитивно укрепилась во мнении, что

ничего хорошего ей не сулит это «солнечное настроение». Оно вероломно и обманчиво. Самая большая беда в её жизни приходила именно тогда, когда она, упиваясь миготом удачи, расслаблялась, надеясь на счастье, которое вот-вот прилетит к ней откуда-то, на серебряных крыльях...

Так было с ней в юности. Она перешла в десятый класс, на косяке двери отметка её роста передвинулась вверх, почти на десять сантиметров, и из серой маленькой мышки она превратилась в высокую, стройную девушку. Фигура её оформилась, вызывая зависть одноклассниц и неприличные эмоции у парней. Особо выделялись ноги: они вытянулись и приобрели формы, напоминающие древнегреческих богинь, статуи которых Ирина видела на открытках Ленинградского Эрмитажа.

Но на всё это не выиграло бы так её девичье самолюбие. Она принимала метаморфозы своей внешности за что-то само собой разумеющееся: наградил Господь Бог и родители... Пока всё это не оценил по достоинству Жека Цымбалюк. Наблюдая, как Ирина Дорощеева спускается по лестнице, придерживая край юбки, царственно выступая своими длинными, «от ушей», ногами, – Цымбал присвистнув, произнёс: – Вот это ништяк, мужики! И откуда у нас взялась, такая Венера?!

Это был рослый, красивый парень, с рыжеватой шевелюрой

и синими ироничными глазами. Отец его был крупным воротилой, в строительном бизнесе. Начав этот бизнес в Санкт-Петербурге, он решил распространить его на города

Урала. Пожив несколько лет в Екатеринбурге, семья Цымбалюк переселилась в Пермь.

Глава семейства, Лев Борисович был человеком ярким, деятельным и весьма-весьма обаятельным. Он быстро занял почётное место под солнцем, среди строительных компаний Пермского края, с изящной лёгкостью сблизился с местной администрацией, стал всеобщим кумиром, обаяв городскую общественность. Принимая активное участие в социальной и культурной жизни мегаполиса, Цымбалюк не забывал и о семейных делах. Своего единственного сына, «Евгешку», он без особого труда устроил в элитную школу, и обосновался на «Доске Почёта», среди её знатных благотворителей.

Понятно, что Жека Цымбал тоже стал в этой школе персоной номер один. Первые школьные красавицы мечтали о нём во сне и наяву, как о сказочном принце. Но он вдруг отдал предпочтение Ирине Дорофеевой, которую все считали серой мышью и зубрилкой.

Надменные красавицы чуть не падали в обморок, наблюдая, как на выпускном вечере Жека ни на шаг не отходит от своей Иришки, словно пришитый, к юбке её кружевного белого платья; танцует только с ней, а в перерывах между танцами, – не выпускает из рук её талию. Все остальные смотрели на эту парочку, с завистью и восхищением, как на жени-

ха и невесту. Тогда у местных подростков игра «в свадьбу» была в большой моде.

Весеннее солнце светило ярко-ярко, обещая знойное лето. Ирина, впервые в жизни была влюблена и любима... Счастью её не было предела! В праздничном настроении она каждый раз выходила из дома, и украдкой, оглядевшись во-круг, заворачивала на два раза пояс своей юбки... Чтобы предьявить всему миру красоту своих ног!

Это был зенит её девичьей гордыни.

Но недаром отмечено, что беда часто поджидает человека, на пике его счастья. Возвращаясь как-то домой, в сумерки, с загородной дачи, Ирина заметила фигуру незнакомого человека. Воровски сгорбившись, он юркнул в их подъезд. Интуитивно чувствуя опасность, девушка в нерешительности задержалась у двери. Постояв несколько минут у входа, она осторожно вошла в тёмный подъезд, прислушалась. Вроде всё тихо.

Озираясь, она подошла к ступенькам лестницы, нащупала рукой перила ... И вдруг чьи-то цепкие руки обхватили её сзади, за талию. Она в ужасе вскрикнула, но её тут же повалили на пол, закрыв рот чем-то противно и резко пахнувшим. Ирина потеряла сознание.

Очнувшись в больничной палате, она с ужасом вспомнила случившееся. Казалось, что небо обрушилось на неё сверху! И все краски мира вмиг поблекли...

Продолжительный стресс унёс не только часть её юного женского естества. Её пепельные, волнистые волосы то и дело падали повсюду клочьями. Мать собирала их и складывала в холщёвый мешочек. К концу лета голова девушки полностью облысела.

Мастерица из деревни сплела ей парик, из её собственных волос. Причёска получилась почти естественная и даже вполне современная. Но Ирина всё равно мысленно поставила в своей личной анкете запись: *«Имею физический недостаток»*.

На бесконечные звонки Жеки Ира не отвечала. Он остался для неё в прошлом, став частью её биографии. «Физический недостаток» понизил «до плинтуса» её личную самооценку, и она решительно исключила из своего лексикона слово *«любовь»*...

Но это слово пришло к ней вновь, с рождением сына.

Это была её вторая в жизни любовь. Гриша рос, согрева-

емый её лучами, и вырос, превратившись в красивого молодого человека, образованного, преуспевающего...

Провожая сына на лекции, Ирина смотрела из окна на копну его светлых волос, на крепкую, ладно скроенную фигуру. Походка Григория тоже менялась с годами. Казалось, она сообщает о том, что идёт успешная, незаурядная личность... Ну, а когда, окончив академию с Красным дипломом, Григорий поступил в ординатуру, и перешёл из муниципальной клиники, – в частную клинику «Золотое сечение», стал зарабатывать вдвое больше...

Это был для Ирины пик её материнской гордыни!

– Вот, вырастила сына, себе на радость... А всем другим, – на зависть! – говорила она себе, мысленно представляя лица обоих мужей, Виктора и Ярослава, оставивших её, по непонятной ей причине.

Но дело прошлое, теперь она о них уже не жалела.

Виктор был начинающим бизнесменом, но очень скупым и неласковым человеком. Ярослав же наоборот, был добрым и ласковым, но получал гроши, работая слесарем, на кирпичном заводе.

– Благо, что сын остался от этого брака... А он-то уж

точно, будет обеспеченным человеком! – с гордостью думала Ирина.

Не удивительно, что быстро нашлась для Григория и достойная избранница: красивая и хорошо воспитанная девушка, из обеспеченной семьи... Кстати, врач-педиатр, в скором будущем. Она будет Грише прекрасной женой и матерью его детей. Кроме того, в их клане появятся ещё и богатые, щедрые родственники!

Удивил, правда, один факт: Алина оказалась мусульманкой.

Но какое это имеет значение, в наши дни? Браки христиан с мусульманами встречаются сейчас на каждом шагу... Подумаешь, не средневековье ведь!

Отец Георгий ничего не сказал на это. Нахмурившись, он лишь печально покачал головой...

ГОРОД МЕЧТЫ

Общее горе сблизило Ирину Валерьевну с семьёй Алины. На удивление, с уходом Гриши в мир иной не только не ослабились их связи, скорее наоборот, – окрепли.

Алина с Ириной встречались чуть не каждый день, они

стали совсем близкими людьми, можно сказать, подругами. Приходя к Ирине Валерьевне, Алина часто оставалась у неё на ночь. Вспоминая Гришу, они плакали, сидя обнявшись на большом старом диване, на котором прежде сидела Ирина с сыном.

Чтобы смягчить горе, постигшее обеих женщин, отец Алины купил им туристическую путёвку в славный город Санкт–Петербург.

Величественный мегаполис встретил их морозящим дождём и тяжёлыми, свинцовыми тучами. Он открывался перед ними, будто нарисованный тушью, и размытый, на громадном холсте, – массивом своих зданий, без всяких переулков, открытым центром, вдоль уходящего в туман Невского.

Задуманный гениальной волей одного великого человека, начертанный совершенством большого, неповторимого прекрасного искусства, Петербург был построен на телах тысяч погибших людей. Мокрый и мрачный, теперь он словно плакал и хмурился в унисон настроению женщин, потерявших близкого и дорогого им человека, неожиданно и безвозвратно.

Но Санкт-Петербург был любимым городом Гриши, городом его мечты, и тем единственным местом на земле, к

которому у него никогда не было нейтрального отношения. Никогда не молчали перед ним его неподвижные каналы, не уходили в безмолвие его разводные мосты, его золотые иглы и тёмные купола... Этот город был для него архитектурно ясен, и, казалось, просматривался во все концы навывлет, не скрывая и не пряча ничего тайного и опасного, в своих дворах-колодцах, углах и закоулках...

Ирина Валерьевна воспринимала этот город несколько иначе. Ей казалось, что светлая трезвость удивительно сочетается в нём с мистикой, и на каждом шагу оживает старая русская литература: роком вставали из петербургских туманов образы «Прекрасной Дамы», Александра Блока, «Бедных людей» Достоевского, Гоголевского Акакия Акакиевича, обокраденного в тёмном переулке ...

Туроператор предложил им место в отеле, с помпезным названием «Гранд Апартаменты». Он находился вблизи Невского проспекта, в пешей доступности от главных достопримечательностей города: Эрмитажа и Дворцовой набережной, дома Зингера, Михайловского замка, Исаакиевского собора, Спаса-на-Крови и Гостиного двора.

Идя по прямым, будто насквозь прострелянным улицам Санкт-Петербурга, по которым некогда проходила с Гришей, Ирина Валерьевна впитывала в себя эту особую, величе-

ственную атмосферу древнего города, тишиной и туманом обволакивающую его набережные, проспекты, дворцы... И какое-то странное чувство не покидало её при этом: она постоянно ощущала присутствие сына.

Будто сквозь плотную завесу туч, пробивался откуда-то издалека свет, от его божественной, неповторимой улыбки...

И вот ей кажется, что они вместе сидят на лавочке, близ Инженерного замка, как сидели когда-то. И, будто из других миров, перед их взорами открываются очертания белых, башнеобразных облаков необыкновенной мощи и торжественных форм; гигантские башни стоят над горизонтом, плавно меняя свои очертания и вздымаясь, до середины неба...

Вечер медленно угасает, и молодой месяц, золотой лодочкой выплывая из пелены облаков, освещает тихим светом небесную синь...

Подойдя ближе к зданию Инженерного замка, она видит в обволакивающей его мгле нечто, поражающее воображение: огромное существо, величиной с ящера мезозойской эры, неподвижно сидит на крыше старинного замка. Прижавшись щекой к башне, оно сиротливо смотрит вдаль тёмными и со-

вершенно пустыми глазницами. Кажется, что ему мучительно хочется кричать и выть от тоски, но рта у него нет....

Вздрогнув всем телом от этого ледящего душу видения, Ирина Валерьевна ищет руку своей спутницы.

ВЕЩИЙ СОН

Сон в эту ночь выдался для неё тяжёлым и прерывистым.

Ей опять снился сын. Как бывало прежде, они вели меж собой тихий, задушевный разговор. Темой его была настоящая жизнь Гриши, в небесных сферах.

– Я рад, что вы приехали сюда, – проговорил Григорий, ласково улыбнувшись. – Я ждал вас...

– А где ты сейчас, сыночек? Как тебе живётся? – перебила его Ирина.

– Здесь прекрасно! – отвечал ей Гриша, продолжая светло улыбаться. – Хотя всё же скучаю по тебе, по Полине... Взгляд его становится прежним, как был при жизни: спокойным и раздумчивым.

– Здесь открывается те органы слуха и зрения, которыми ты

воспринимаешь красоту местной природы. Наверное, это и есть духовный слух и духовное зрение, – восторженно говорит он. – Такой красоты я не видел никогда, живя на земле! Отсюда можно созерцать горные вершины, но не такими, какими видятся они на земле, а в духовной славе...

Могущественный дух, господствующий здесь, изливает на нас струи своей энергии...

Кажется, что всё это Григорий читает по какому-то литературному источнику, известному ей. Но по какому, конкретно, – Ирина Валерьевна не может вспомнить.

– Одно странно, – продолжает Гриша, – здесь не чувствуется разнообразия жизни. Нет пения птиц, жужжания пчёл, а лишь одна тихая музыка... Это он уже добавил от себя, с грустной улыбкой.

– Ну, а как ты чувствуешь себя? Тебе всё это нравится? Всё устраивает? – спрашивает его Ирина Валерьевна, и вопросы её словно висят в воздухе...

– Да как сказать... – Гриша задумывается. После паузы, он осторожно подыскивает слова: – Здесь я чувствую себя лишь гостем. Очевидно, моя главная обитель находится где-то в иных слоях биосферы. А здесь я лишь проездом...

– Слушай, а ты здесь один? Или ещё кто-то есть? – озабочено перебивает сына Ирина Валерьевна.

– Да, конечно! – опять оживляется Григорий. – Помню, множество людей встречало меня здесь. словно я был большой радостью для них, каким-то особым событием. Будто они ждали меня давно... Встреча проходила на холме, под открытым небом. Горы излучали удивительное свечение. Трепещущие радуги перекинулись через всё пространство, объятые лучезарным покоем; в зените проступали дивные светила, разных цветов... Я помню чувство захватывающей красоты, ни с чем несравнимого восторга и изумления!

И тут Григорий таинственным тоном добавляет: – Это был великий праздник, уготованный каждой душе, ... *если ей предстоит путь к дальнейшему восхождению!*

– К дальнейшему восхождению?! А каким образом? Ты, правда, чувствуешь это?! – сыплет градом вопросов обеспокоенная и растроганная мать.

– Я постоянно ощущаю всё пребывающее, радостное нарастание сил, словно появление крыльев; раскрытие в себе способности к беспрепятственному движению, во всех направлениях четырёхмерного пространства...

Ирине кажется, что лицо сына в этот миг становится вели-

чественно прекрасным, оно словно светится, подобно месяцу, легко и царственно скользящему по глади ночного небосклона. Но голос сына теперь доносится до неё откуда-то издалека:

– Удивительные выси и громадные цветы, размером с деревья, источающие удивительную нежность, качаются и колышутся вокруг. Это колыхание подобно музыке, полной неисчерпаемого смысла...

И всё это сулит мне нечто большее, чем я уже достиг...

Эта фраза тоже висит в воздухе.

– И что это может быть?! – одновременно с испугом и непонятной радостью вскрикивает Ирина Валерьевна.

– Ну, возможно, меня ждут ряды Небесного Воинства...

Или Сад Высоких Судеб, – гордо и пафосно проговаривает Григорий, как ученик, получивший Золотую медаль, на выпускном вечере.

– Ну а сейчас, чем ты занимаешься? – с учительской ноткой в голосе прерывает его мать.

– Кроме общения с людьми и наслаждения природой, вре-

мя

уходит на работу над своим телом...

И Гриша опять начинает излагать, словно по тексту, ранее заученному: – Надо подготовить его к трансформе, поскольку путь в иные, высшие миры лежит не через смерть, а через Преображение. Я понял теперь, что стихи Евангелия, повествующие о вознесении, Иисуса Христа, намекают на нечто схожее. Вознесение из мёртвых изменило природу физического тела нашего Господа. Оно преобразилось вторично, вместе с эфирным телом. *Очевидно, подобное предстоит всем, кому назначена определённая миссия...*

Эти слова звучат торжественно, как нечто итоговое. Григорий особо выделяет их, из всего сказанного.

– Ну, а вы-то как?! – неожиданно спохватывается он.

– Ну что мы... Тебя не хватает. Плачем, грустим...

– Прошу вас, не надо! Ваше счастье в этом мире ещё не прожито. Живите и радуйтесь каждому мгновению!

– Да ну, куда уж там... – пробует отмахнуться Ирина Валерьевна.

– Да-да, я точно знаю! – горячо перебивает её Гриша. –

Передай это Алине. Всё прекрасное у вас впереди.

И первые признаки этого появятся, совсем скоро!

Эта фраза эхом отзывается в сердце Ирины Валерьевны.

Проснувшись, и, открыв глаза, она продолжает слышать её, откуда-то издалека...

МИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Ирина лежит в постели, изучая взглядом гляцевый натяжной потолок. Очнувшись, она отмечает, что погода кардинально изменилась: лучи солнца, пробившись сквозь шторы, весёлыми зайчиками прыгают по полу. Машинально, привычным жестом она притрагивается кончиками пальцев к голове... И вскрикивает, ощутив на коже поразительные изменения...

– Боже! Что за мистика?!

Вскочив с постели, она подбегает к зеркалу, и, словно не доверяя глазам, осторожно проводит рукой по голове...

Жалкая растительность на ней сменилась густой, шелковистой щетинкой волос!

Обнаружив подобную метаморфозу, сердце Ирины готово

было выпрыгнуть из груди наружу, не то от радости, великой и необузданной, не то от ужаса... Беда, с которой она давно смирилась, и даже как-то привыкла к ней, отступает невесть куда, и невесть почему...

– Гриша! – почему-то вскрикивает она, поддаваясь привычке моментально делиться с сыном всем поразительным, пугающим и неожиданным...

– Что это?!

И тут светлый луч солнца, в очередной раз, пробившийся сквозь оконную штору, опять напоминает Ирине светлую, чуть застенчивую улыбку сына...

– Что такое?! Что случилось? – кричит из ванной встревоженная и перепуганная Алина. Обернувшись в махровое полотенце, она стоит посреди комнаты, подобно грации, выбежавшей под струи Петергофского фонтана...

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Их номер находится на седьмом этаже, в мансарде, и от туда хорошо видна гранитная набережная реки Мойки, золотой купол Казанского собора и острый, как игла, шпиль Адмиралтейства.

Поздним вечером, вернувшись с экскурсии в Петергоф, Павловск, Ломоносов, в Кронштадт или Гатчину, они стояли на балконе, любуясь величественным блеском Невского проспекта.

– Нет лучше Невского проспекта, по крайней мере, – в Петербурге! – невольно вспомнятся страстному книгочею и книголюбу строки Гоголя, из его повести «Невский проспект».

И современный старожил всегда отмечает, что даже в сильный дождь по Невскому проспекту, не останавливаясь, течёт рекой оживлённая людская толпа. Сверху видно, как пёстрые зонтики плывут по мокрому асфальту, подобно маленьким, разноцветным корабликам....

А в хорошую погоду... «Кажется, что как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над чёрными жуками мужского пола», – опять могут кому-то вспомниться строки из «Невского проспекта».

Романтически настроенный книжник и старожил, как и великий классик, может отметить: «Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений... В благословенное

время от двух до трёх часов пополудни, которое может называться движущей столицей Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека».

Но как прекрасен Невский проспект ночью! «Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет...»

Ирина Валерьевна была профессионалом библиотечного дела, обожала свою профессию и трепетно относилась к первоисточникам. Литература всегда была для неё иным миром, в который она могла удаляться от бед и житейских тревог. И теперь она с удовольствием погружалась в атмосферу великого классика.

«ДЖУЛЬЕТТА»

Утренний Санкт–Петербург был залит солнцем. Оно золотом сверкало на куполах храмов и дворцов, задорно играло в струях фонтанов...

Ирина, с её привычкой к рефлексии, постоянно отмечала изменения, происходящие в состоянии собственной души. Сжавшаяся в комок, испуганная и отчаявшаяся, душа её потихоньку расправлялась, опасно отзываясь на любые

внешние изменения. То и дело, ощупывая под париком щетинку шелковистых волос, она невольно щурила глаза, защищая их от лучей светила, так беззаботно и легкомысленно улыбающегося ей с небес.

Природное любопытство также было характерной чертой натуры этой женщины. Оно овладевало её вниманием, когда она видела что-то необычное для себя и непонятное. Будучи глубоко провинциальным человеком, она с некоторых пор полюбила шумную и кипучую жизнь больших городов, полюбила смешиваться с толпой, прислушиваясь, приглядываясь к ней...

И всё это, благодаря сыну, Грише.

Одновременно с этим, Ирина Валерьевна старалась не упускать из поля зрения свою спутницу, Алину. Бывшая невестка в какой-то мере восполняла ей отсутствие сына. Пережив общее горе, они стали буквально родственными душами, и постоянно делились всем: услышанным, увиденным, продуманным, прочувствованным....

Но на этот раз Ирина Валерьевна почему-то скрыла от Алины свой вещий сон и его ошеломляющие последствия. Ей казалось, почему-то, что и Алина, в свою очередь, тоже что-то скрывает от неё.

Она привыкла видеть перед собой юную женщину, в движениях и в нервном и измученном голосе которой отражалось недавно пережитое горе. Ирина с грустью отмечала, что даже во время экскурсий по залам Эрмитажа и Русского музея, дворцов и фонтанов, в городах Пушкине и Ломоносове, – страдальческое выражение ни на минуту не покидает лицо юной женщины.

С первых дней знакомства она причислила Алину к тем особам, которые могут промелькнуть мимо мужчины, словно тень, и навсегда остаться в его памяти, как далёкое и странное видение. Он запомнит гибкое, худошавое тело, властно очерченные брови, чёрные длинные волосы, отброшенные за спину, нервный тонкий рот, и, в виде контраста к нему, – прекрасные тёмно-карие глаза, внимательные и серьёзные.

И пусть она не обратит на него никакого внимания, пусть и ему в голову не придёт влюбиться в неё, – он встречал на своём жизненном пути, много умных, чутких и красивых женщин, – однако ни один женский образ не застелет этого неуловимо-своеобразного, живого и тонкого образа. В нём угадывается глубина и большая духовная сила.

Ирине казалось, что именно такой воспринимал Алину и

её сын. Она вспомнила, как однажды, ещё не зная будущей невестки, спросила Григория: – А как выглядит твоя новая девушка?

Загадочно улыбнувшись, Гриша произнёс: – Знаешь, прямо как Джульетта, после первого свидания!

Ирина Валерьевна живо представила эту несравнимую по красоте сцену прощания Ромео с Джульеттой, когда юноша спускается утром по лестнице из окна своей возлюбленной... И засмеялась, счастливым материнским смехом: – Ну, иди уже, герой-любовник, а то опоздаешь на лекцию!

Но сегодня, за завтраком, Ирина отметила некоторые изменения, в настроении бывшей «Джульетты». Да, выглядела она по-прежнему, уставшей и измученной, но пристальный взгляд Ирины отметил, что девушка как-то особо погружена в свои мысли, и в больших карих глазах её прячется нечто непонятное ...

Вследствие этого изменилась, она заметила, и реакция мужчин, на образ Алины. Мельком взглянув на неё, некоторые из них останавливались, провожая девушку любопытным взглядом...

Ирина Валерьевна не была знатоком мужских душ, но из

классики знала, что «женщины с тайной» особо пользуются вниманием сильного пола. Одновременно с этим, вопрос ревнивого свойства безотчётно возникал у неё в голове:

– К чему бы всё это?!

Стоя на балконе, Алина пристально вглядывалась в пёструю толпу, говорливым ручейком текущую по Невскому проспекту. – Как я хотела бы здесь жить! – резко отпрянув от перил, проговорила она.

– Что вдруг? – Ирина Валерьевна широко распахнула глаза от удивления. Но ещё более удивил её ответ Полины:

– Здесь живёт душа моего любимого Гриши!

– Вот это да! Карты сошлись, Ирина мгновенно поняла:

– Значит, и ей снился Григорий! Итак, что ждёт нас впереди, с учётом его обещаний?

ЧУДЕСА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

За ужином, в знаменитом кафе «Пончики», они продолжают

разговор на тему проживания в Санкт–Петербурге.

– Чтобы купить квартиру в Питере, – надо иметь мешок

денег, я думаю, – отмечает Ирина Валерьевна.

– Ну, так уж и мешок! – возражает ей Алина. – Я смотрела на ЦИАН. В центре города, конечно, довольно дорого. А чем дальше, тем дешевле, естественно...

Она берёт телефон. – Ну вот, например, ЖК «Огни Залива»: метро «Ленинский проспект», девять минут на транспорте, однокомнатная квартира в строящемся доме стоит семь миллионов...

– Или ещё: Приморский район, ЖК «Домино». Строящийся дом находится в пешей доступности от метро «Чёрная речка». Правда, тут однокомнатная квартира стоит уже десять миллионов... Не хило!

– Слушай, а рядом, на Большой Конюшенной, я как-то обратила внимание на офис строительной компании... Не помню названия. Можно завтра, перед экскурсией, зайти, поинтересоваться, – предлагает Ирина Валерьевна.

Офис компании «Дворянский фасад» находился в бизнес-центре, на шестом этаже. Место секретаря в приёмной генерального директора пустовало; на двери его кабинета красовалась блестящая табличка, с надписью: «Евгений Львович Цымбалюк».

Прочитав эту надпись несколько раз, по слогам, Ирина встала и зажмурила глаза, как пыльным мешком прибитая.

В чём дело? – Алина подтолкнула её к двери. Но, заметив замешательство, в поведении спутницы, она сама осторожно постучала в массивную дверь.

– Да-да... Смелей! И ни минуты сомнения! – тут же отозвался весёлый мужской голос. Уловив в нём знакомый оттенок иронии, Ирина вздрогнула. Он донёсся до неё, как эхо, из прошлых лет.

Алина открыла дверь... За столом сидел крупный мужчина, с седеющей рыжеватой шевелюрой и синими, насмешливыми глазами.

– О нет! – широко распахнув глаза, шёпотом проговорила Ирина. – Этого не может быть!

Но это, действительно, был Жека Цымбал, её первая школьная любовь. Первая, и последняя. Прошло много лет, но Ирина не могла не узнать его или с кем-то перепутать. Есть личности, которые проносят через всю жизнь, свою неповторимую индивидуальность.

Мужчина тоже её узнал: – Ба! Уж не снится ли мне? Ириша, Дорофеева, это ты?! Вот это да! Какими судьбами?!

Крепкий, осанистый, лет пятидесяти, – он поднялся и вышел из-за стола. Было видно, что он тоже порядком удивлён и обрадован, но умеет принимать как тяжёлые удары, так и щедрые подарки судьбы, со стоическим хладнокровием.

Алина смотрела на них обоих, ничего не понимая.

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Рейс на Анталию опять откладывался, на три часа. Грозовой фронт шёл с юго-запада. – Надо же, весь месяц дождя не было, а тут вот, ни раньше, ни позже! Алина позвонила Ирине Валерьевне, чтобы они с Евгением Львовичем не спешили в аэропорт, провожать её.

Другие рейсы тоже откладывались, поэтому в зале ожидания аэропорта Пулково народу набралось видимо – невидимо, все места были заняты. Алина подошла к окну. Было видно, как стихия набирает силу: дует сильный ветер, и деревья, под его порывами, болтаются из стороны в сторону, будто тонкие веточки. Небо сплошь затянуто тучами... Природа, истосковавшаяся по живительной влаге, ждала дождя.

А Алину в Анталии, – с нетерпением и нервозностью звоня по мобильной связи, – ждал её жених, Кемаль.

Познакомились они год назад, в Кемерах, на пляже. Через три месяца после этого, настойчивый и самоуверенный турок прилетел к Алине, в Санкт-Петербург. Вскоре он объявил о своей помолвке с российской красавицей, переполошив всю многочисленную родню, проживающую по разным сторонам Чёрного моря.

Турецкая родня, встревоженная этим известием, и не помышляла влиять на матримониальные планы Кемалья. Это был уже зрелый, преуспевающий человек, получивший прекрасное образование в Германии, и в данный момент, заведующий хирургическим отделением, в одной из лучших клиник страны.

Что же касается родни Алины, то она очень переживала за её будущее. После смерти Григория, Алине не просто было найти себе достойную пару. Однако возникал вопрос: – Ну, почему за турка – то?! Лучше бы уж за какого-нибудь европейца, если на то пошло! ... Хотя, с другой стороны, – мусульманин... И тоже врач.

Алина достала из сумки кошелёк. Прежде, в его прозрачном кармашке хранилось маленькое фото Григория. А те-

перь, на этом месте появилось другая фотография. На ней красивый молодой мужчина, в очках, улыбался, надменно прищулив свои чёрные, с поволокой глаза. Алина понимала, что её будущий муж является полной противоположностью Грише: не знающий сомнений, вспыльчивый и самоуверенный... Конечно, он просто «завоевал её», своим необычайным упорством и решимостью.

Где-то рядом жутко гроыхнул гром, и мощный ливень стеной обрушился на землю!

– Ну, это надолго! Взглянув на часы, Алина с досадой покачала головой, и ещё раз позвонила Ирине: – Смотрите, друзья, на дворе что делается! Гремит, и дождь льёт, как из ведра! Оставайтесь-ка дома, на ночь глядя...

– Ну, а как ты там, совсем одна-то? – осторожно спрашивает

Ирина Валерьевна. В голосе её, как обычно, материнская тревога и озабоченность.

– Ну, а что со мной станется? Я уже взрослая девочка. Багаж отправлен, при мне только дорожная сумка. Сдам её при посадке, и на плече останется только маленькая сумочка, – бодро отвечает Алина. – Да всё в порядке, моя дорогая, нечего беспокоиться! Долечу, куда денуться-то? – добав-

ляет она, стараясь придать своему голосу как можно больше оптимизма и жизнерадостности.

– Да, ну как – то это... – пробует возразить Ирина Валерьевна. Наступает пауза. – Правду сказать, – продолжает она после молчания, – Евгешечка дремлет уже, в своём кресле... Ему как всегда нездоровится, после очередной поездки в Гатчину.

– Ну, тогда тем более! – мгновенно подхватывает Алина.

– Это он ведь на людях, такой крутой и пуленепробиваемый, – переходя на шёпот, продолжает Ирина Валерьевна. – А как побывает там, – приезжает домой больным, убитым и просто никакусеньким...

– Ну, что поделаешь? Это святое! – вздыхает Алина с пониманием. Слегка завидуя своей подруге, про себя она в очередной раз отмечает: – Ну, должна же быть хоть одна ложка дёгтя, в этой бочке мёда...

Она знает, что речь идёт о том, что Евгений Львович часто ездит в Гатчину, на могилу своей жены, Элеоноры. Она погибла в конце девяностых, в автомобильной катастрофе. История, характерная для девяностых: тёмная, с запутанным сюжетом и подозрительными нюансами... О ней все пред-

почитают умалчивать. Впрочем, как и о сыне Цымбалюка, «Лёвущке – золотой головушке», – после окончания школы уехавшем к деду, в Калифорнию.

– Итак, короче, – вынося свой окончательный вердикт, решительно произносит Алина: – Я вас очень люблю! Вы столько для меня сделали. Благодарю вас за всё, за всё... Будьте здоровы и счастливы, мои дорогие, мои любимые!

– И мы тебя очень любим, Алиночка! Ты навсегда останешься для нас дочерью, – со слезами в голосе говорит Ирина Валерьевна. – Как прилетишь, сразу позвони! И вообще, звони чаще, не забывай. Бог даст, скоро опять увидимся...

– Да-да, ориентируйтесь на август. Дату бракосочетания и свадьбы мы сообщим заранее. Мои родители уже ждут – не дождутся этого, они на июль заказали билеты...

– Се ля ви! – опуская телефон в сумочку, рассеяно бормочет себе под нос Алина. Заметив пару молодых мужчин, с явным любопытством поглядывающих в её сторону, она опять поворачивается к окну.

Унылая картина, открывающаяся перед её взором, невольно навеивает ей мысль о чём-то, неотвратимо и безвозвратно

уходящем...

Ветер стих, будто зверь, притаившийся где-то поблизости. Деревья, потерявшие в сумерках свои чёткие контуры, стоят под дождём, жалкие и поникшие. Видом своим они напоминают усталых стариков, бессильно опустивших руки... Ну, а дождь продолжает отчаянно барабанить по асфальту, надувая мутные пузыри; бешено стучит в оконные рамы, стекая по стеклу извивистыми струями...

Заканчивался первый месяц лета – июнь, период белых ночей, когда лёгкие сумерки вечера сливаются с сумерками раннего утра. Алина любила это время, называла его «одним из семи чудес Северной столицы». Но в данный момент ей почему-то подумалось:

– Да, лето быстро пройдёт, за ним, – осень. И опять здесь наступит зима, морозная, снежная... Но мне уж долго теперь не увидеть этого белого, ангельски чистого снега, хлопьями падающего с небес...

Гром ворчит уже где-то вдалеке, гроза уползает в сторону. Но небо словно прорвало! Дождь всё льёт и льёт, ни на минуту не утихая...

Кажется, что природа горько плачет, провожая на чуж-

бину, одну из своих дочерей .

Май, 2023 год